

Журнал Пионер

№6 за 1990 год

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 74.27
Ж92

Ж92 Журнал Пионер: №6 за 1990 год / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 68 с.

ISBN 978-5-458-44472-9

Пионер — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина для пионеров и школьников. Основан в 1924 году, выходит в Москве. Первый номер вышел 15 марта 1924 года. На страницах «Пионера» выступали Н. К. Крупская, М. И. Калинин, Ем. М. Ярославский, писатели С. Я. Маршак, А. П. Гайдар, Л. А. Кассиль, Б. С. Житков, К. Г. Паустовский, Р. И. Фраерман, В. А. Каверин, А. Л. Барто, Виталий Бианки, С. В. Михалков, Юрий Сотник, В. П. Крапивин, Ю. Козлов и др. В 1938 году в журнале печаталась сказка «Старик Хоттабыч» Л. И. Лагина. В журнале сотрудничали (по состоянию на 1975) З. И. Воскресенская, М. П. Прилежаева, Ю. Я. Яковлев, А. Г. Алексин, Л. Г. Матвеева, В. А. Бахревский, художники О. Г. Верейский, Л. В. Владимирский, А. М. Каневский, Ф. В. Лемкуль, П. И. Кузьмичёв, Е. А. Медведев и другие. Позднее в журнале печатались произведения Эдуарда Успенского. «Пионер» имел постоянные разделы школьной и пионерской жизни, публицистики, науки и техники, искусства, спорта, детского художественного творчества. Журнал организовывал работу тимуровских команд и отрядов. Награждён орденом Трудового Красного Знамени (1974). Тираж в 1975 г. составлял свыше 1,5 млн экземпляров

ISBN 978-5-458-44472-9

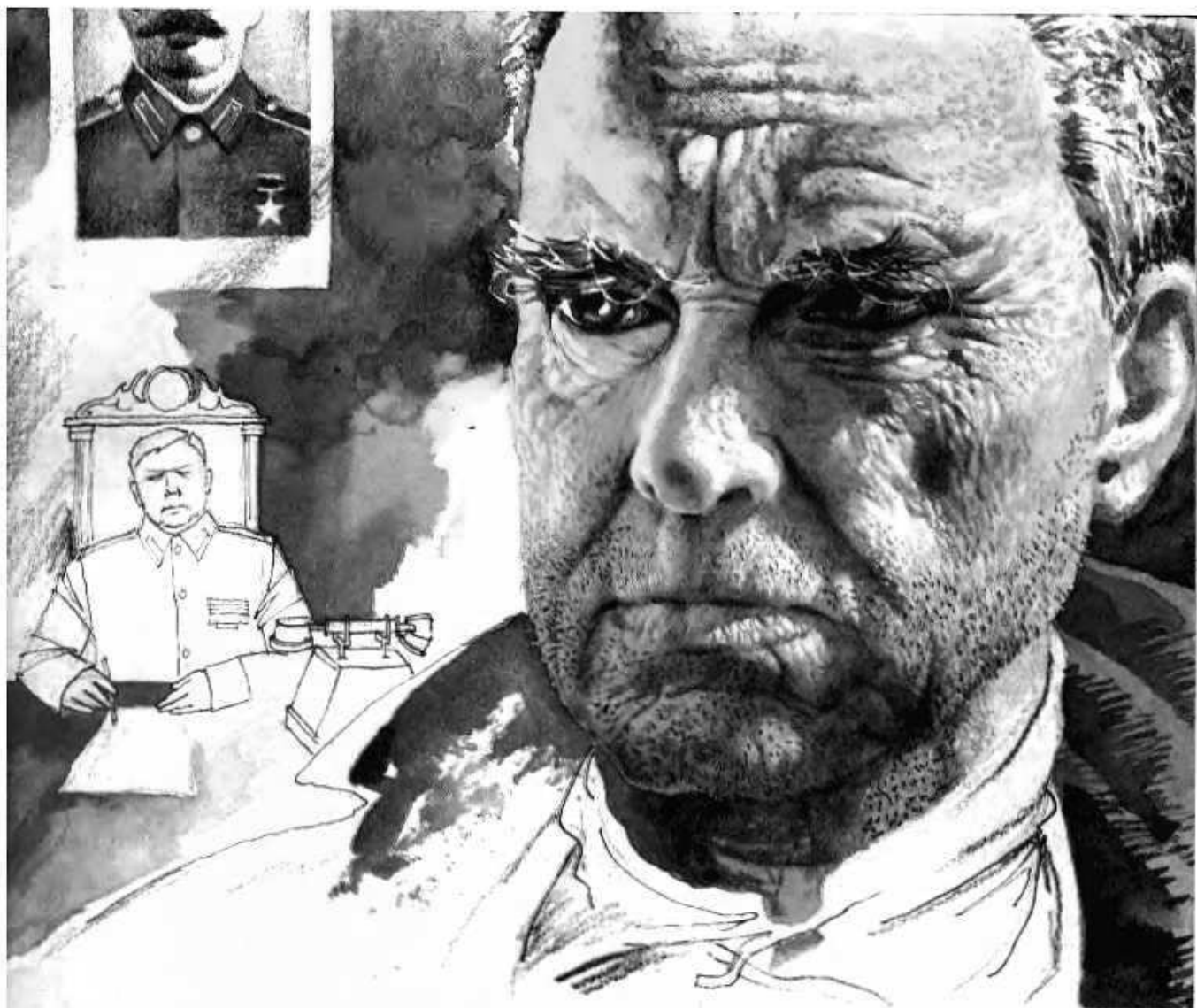
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

школьникам можнѐ по десять. А у кого усы пробиваются — двадцать пять! Маладые! Даживут!

Абакумов строчил...

— И надо прѣкратить санаторные условия в палитических тюрьмах! Я слышал от Берии: в палитических тюрьмах до-сих-пор-есть прадуктовые передачи?

— Уберем! Запретим! — с болью в голосе воскликнул Абакумов, продолжая писать. — Это была наша ошибка, товарищ Сталин, простите!!!

Сталин расставил ноги против Абакумова:

— Да сколько жи раз вам объяснять?! Нада жи вам понять наконец...

Он говорил без злобы. В его помягчевших глазах выражалось доверие к Абакумову, что тот усвоит, поймет. Абакумов не помнил, когда еще Сталин говорил с ним так просто и доброжелательно. Ощущение боязни совсем покинуло его, мозг заработал, как у обычного человека в обычных условиях. И служебное обстоятельство, давно уже мешавшее ему, как кость в горле, нашло теперь выход. С оживившимся лицом Абакумов сказал:

— Мы понимаем, товарищ Сталин! Мы (он говорил за все министерство) понимаем: классовая борьба будет обостряться! Так тем более тогда, товарищ Сталин, войдите в положение — как нас связывает в работе эта отмена смертной казни! Ведь как мы

колотимся уже два с половиной года: проводить расстреливаемых по бумагам нельзя. Значит, приговоры надо писать в двух редакциях. Потом — зарплату ИСПОЛНИТЕЛЯМ по бухгалтерии тоже прямо проводить нельзя, путается учет. Потом — и в лагерях прилупнуть нечем. Как нам смертная казнь нужна! Товарищ Сталин, ВЕРНИТЕ НАМ СМЕРТНУЮ КАЗНЬ!! — от души, ласково просил Абакумов, приложив пятерню к груди и с надеждой глядя на темноликого Вождя.

И Сталин чуть-чуть как бы улыбнулся. Его жесткие усы дрогнули, но мягко.

— Знаю, — тихо, понимающе сказал он. — Думал. Удивительный! Он обо всем знал! Он обо всем думал! — еще прежде, чем его просили. Как парящее божество, он предвосхищал людские мысли.

— На-днях верну вам смѣртную казнь, — задумчиво говорил он, глядя глубоко вперед, как бы в годы и в годы. — Эт-та будыт харѣшая воспитательная мера...

А вот иная встреча.

«...Крупный, ражий, с остриженной каторжанской головой вошел Бобынин. Он проявил столько интереса к обстановке кабинета, как если бы здесь бывал по сту раз на дню, прошел, не задерживаясь, и сел не поздоровавшись. Сел он в одно из удобных кре-

Рисунок А. ОСТРОМЕТЦКОГО.

сел неподалеку от стола министра и обстоятельно высморкался в не очень белый, им самим стиранный в последнюю баню платок.

Абакумов... не крикнул ему: «встать!», а полагая, что тот не разбирается в погонах и не догадался по анфиладе преддверий, куда попал, спросил почти миролюбиво:

— А почему вы без разрешения садитесь?

Бобынин, едва скосясь на министра, еще кончая прочищать нос при помощи платка, ответил за просто:

— А, видите, есть такая китайская поговорка: стоять — лучше, чем ходить, сидеть — лучше чем стоять, а еще лучше — лежать.

— Но вы представляете, КЕМ я могу быть?

Удобно облокотясь в избранном кресле, Бобынин теперь осмотрел Абакумова и высказал ленивое предположение:

— Ну, — кем? Ну, кто-нибудь вроде маршала Геринга?

— Вроде кого???

— Маршала Геринга. Он однажды посетил авиазавод близ Галле, где мне пришлось в конструкторском бюро работать. Так тамошние генералы на цыпочках ходили, а я даже к нему не повернулся. Он посмотрел-посмотрел и в другую комнату пошел.

По лицу Абакумова прошло движение, отдаленно похожее на улыбку, но тотчас же глаза его нахмурились на неслыханно дерзкого арестанта. Он мигнул от напряжения и спросил:

— Так вы что? Не видите между нами разницы?

— Между ВАМИ? Или между НАМИ? — Голос Бобынина звенел, как растревоженный чугунок. — Между НАМИ отлично вижу: я вам нужен, а вы мне — нет!

У Абакумова тоже голосок был с громовыми раскатами, и он умел им припугнуть. Но сейчас чувствовал, что кричать было бы беспомощно, несолидно. Он понял, что арестант этот — трудный.

И только предупредил:

— Слушайте, заключенный. Если я с вами мягко, так вы не забываетесь...

— А если бы вы со мной грубо, — я б с вами и разговаривать не стал, гражданин министр. Кричите на своих полковников да генералов, у них слишком много в жизни есть, им слишком жалко этого всего.

— Сколько нужно — и вас заставим.

— Ошибаетесь, гражданин министр! — И сильные глаза Бобынина сверкнули открытой ненавистью. — У меня ничего нет, вы понимаете — НЕТ НИЧЕГО! Жену мою и ребенка вы уже не достанете — их взяла бомба. Родители мои уже умерли. Имущества у меня всего на земле — носовой платок, а вот комбинезон и белье под ним без пуговиц (он обнажил грудь и показал) — казенное. Свободу вы у меня давно отняли, а вернуть ее не в ваших силах, ибо ее нет у вас самих. Лет мне от роду сорок два, сроку вы мне отсыпали двадцать пять, на каторге я уже был, в номерах ходил, и в наручниках, и с собаками, и в бригаде усиленного режима, — чем еще можете вы мне угрожать? чего еще лишить?.. Вы сильные постольку, поскольку отбираете у людей не все. Но человек, у которого вы отобрали все, — уже не подвластен вам, он снова свободен...

ПЕРЕСТРОЙКА:
ЧТО ТАКОЕ? КТО ТАКОЙ?

П ЕРЕСПОРИТЬ ВСЕХ-ВСЕХ-ВСЕХ?..

Не зря говорят иногда про человека: «Спорить с ним — зубную боль нажить». Недавно нашел я и такие слова про спорщика: «Есть люди, которые, оспаривая мысль своего противника, не понимают ни ее самой, ни тех доводов, которые они приводят в ее защиту. Споры с такими людьми хуже зубной боли...» Слова эти принадлежат Г. В. Плеханову, известному русскому ученому-философу.

А ведь — суди по себе — не только из упрямства, непонимания человека, бывает, не признает спорщика. Удобнее, привычнее многие годы считалось не иметь своего мнения вообще, а думать «как все», твердить, что все твердят. По радио твердят, в школе твердят, в телепередачах твердят... И думать не надо. Что-то доказывать.

Сломать такую привычку в людях труднее трудного. Под силу только нашему времени. И вот в словаре ПЕРЕСТРОЙКИ ты слышишь новое, непривычное слово: ПЛЮРАЛИЗМ.

Люди старших поколений хорошо понимают, почему это слово непривычно, ведь совсем недавно в него вкладывали только ругательный смысл! И казалось, хоть сто лет живи, хоть двести, — никакого плюрализма не увидишь. И вдруг латинский термин, пришедший к нам из западного политического словаря, зазвучал со всех трибун, со всех газетных и журнальных страниц. Что же произошло? И что же этот термин означает?

Означает он множественность, многообразие идей, теорий, мнений. Вещь, как нам теперь кажется, совершенно нормальную. И неопасную. Явление, без которого демократическая жизнь невозможна.

...Можно делать вид, что чего-то нет на свете, можно про какой-нибудь факт жизни помалкивать. Все видеть, а говорить про другое. Ну, например: ты выступаешь на собрании отряда, говоришь, будто нет класса дружнее, чем ваш. А на самом деле? На самом деле все вы давно разбиты по группкам, у каждого свои заботы, каждый думает про свое. Но на сборах заведено говорить о дружбе и единстве. Поэтому ты заявляешь: «Мы все едины в желании повысить успеваемость и дисциплину!» А на самом-то деле всем давно на учебу и дисциплину наплевать.

Человек посторонний, быть может, поверит твоим словам. Может быть, что и ты сам поверишь. Но ребята-то знают, как обстоит дело в действительности! Вот и с плюрализмом в нашей стране произошла похожая история.

Выходили на трибуну очень солидные взрослые люди и заявляли, будто во всем у нас достигнуто полное единство, и, стало быть, никакого плюрализма нет и быть не может. Наверное, эти люди сами себе верили, да только в жизни все было сложнее. Ведь люди, про которых утверждали, что они во всем едины, на самом деле были, есть и будут разными! Очень разные люди живут в нашей стране. И то-то замечательно, что каждый желает думать по-своему. Для чего же нужно было обманывать самих себя и пробовать обманывать других? Ответ прост: для собственного спокойствия! Ведь все должны были думать не просто одинаково, все должны были думать, как начальство. А лучше — не думать вообще, и тогда начальство могло бы спать спокойно. Не получилось...

Миллионы людей населяют нашу родину. У каждого своя судьба, свои обстоятельства жизни. Можно сказать, все мы едины в стремлении к счастью. Но нельзя сказать, что все мы понимаем его одинаково. По-разному смотрим мы на свою историю, по-разному представляем себе будущее. Когда вы строите вместе с одноклассниками какие-нибудь планы, ну хотя бы, как помочь Коле школу не бросать, или где найти возможность поработать в каникулы, — сколько у вас бывает споров! Что же говорить об огромной стране, строящей планы своей судьбы!

Разные планы, разные взгляды, разные чувства — это и есть плюрализм. Легко ли жить при плюрализме? А вообще жить легко?

При плюрализме жить трудно потому, что нужно не командовать, а убеждать. Убеждать можно только делом, а дело делать труднее, чем приказывать. При плюрализме жить трудно еще и потому, что надо иметь свое собственное мнение, свой собственный взгляд на вещи, взгляд глубокий, а не случайный, лично выстраданный и заслуженный. Но самое главное, почему так трудно

жить при плюрализме, это — терпимость к чужому мнению, внимательное отношение к чужим убеждениям.

Когда люди собираются на митинг, чтобы лично высказаться, получается не плюрализм, а базар.

Плюрализм получается, когда люди приходят не только высказаться, но и внимательно послушать. Пока это трудно для нас, мы еще плохо умеем слушать друг друга, и этому нужно учиться в первую очередь.

Есть знаменитый афоризм: «Я ненавижу ваши убеждения, но я готов отдать жизнь за то, чтобы вы могли высказывать их свободно!» В этом афоризме идея плюрализма доведена до крайности. Конечно, есть такие убеждения, с которыми невозможно мириться. И мы не захотим согласиться с убеждениями профессионального преступника, палача, расиста. Мы не захотим, чтобы эти убеждения беспрепятственно распространялись. И тем более не допустим, чтобы они торжествовали в жизни. Поэтому вспомним еще один афоризм, принадлежащий великому французскому мыслителю и ученому Блезю Паскалю. «Нужно не просто думать», — говорил Паскаль, — нужно учиться думать ХОРОШО!»

Но как, как научиться думать хорошо? В чем основа хорошего думанья? Основа такого думанья — законы высокой нравственности. У этих законов, конечно, множество проявлений. Но сами по себе они незыблемы. Эти законы, как и другие законы мира, не меняются по чьей-то воле, их никакой плюрализм не касается. Нравственные законы обязательны для всех.

Не убивай, не кради, не обижай своего близкого и дальнего, относись к нему так, как ты бы хотел, чтобы к тебе относились. Еще тысячи лет будет жить человечество, и ничего нового тут не выдумает.

В нравственной жизни не будет плюрализма. И это нужно хорошо понять.

А вместе с тем нравственная жизнь невозможна без плюрализма, который мы понимаем как уважительное, терпеливое отношение к каждому человеку.

Алексей СЕРГЕЕВ,
обозреватель
еженедельника «СЕМЬЯ» —
специально для «ПИОНЕРА»

Если бы люди были мягче...

Меня спросили: «Умеешь ли ты мириться?» Честно говоря, я раньше об этом не думала. Если я ссорилась с подругой, то на следующий день мы снова были вместе, как будто забывали об обиде. Многие говорят, что у меня нет гордости, раз я редко обижаюсь на людей, раз прощаю идиотские шутки одноклассников, их нелепые выходки, грубость и даже подлость. Вы, наверное, думаете, что с таким человеком, как я, можно сделать что угодно? Странно, но последнее время меня никто не трогает. Может, если б все люди были мягче, умели прощать, было бы меньше ссор и конфликтов?

Галя Василенко, 7-й класс,
г. Москва.

ХОЧУ ПОНЯТЬ

Есть у нас такой ритуал...

Есть у нас в пионерской организации ритуал: принимать в почетные пионеры. Вот в прошлом году наш отряд принял в почетные пионеры мальчика из Венгрии. Он приехал в наш город к своей бабушке на зимние каникулы. У нас состоялся сбор, на котором Томаш рассказал о своей школе, о жизни венгерских ребят. И мы приняли его в почетные пионеры, повязав ему галстук. А теперь я думаю: почему ему такой почет? И какая у него теперь пионерская жизнь? Ведь уехал Томаш на родину и... все.

Андрей Колесников, 8-й класс,
г. Калининград,
Московская область.

Вопрос Андрея очень внимательно выслушала Валентина Григорьевна СМЕРНОВА, инструктор ЦС ВПО имени В. И. Ленина, и начала объяснять.

— В документах, определяющих пионерскую организацию, нет положения о почетных пионерах. Поэтому, кто достоин быть почетным пионером, решает сама дружина. Обычно в почетные пионеры принимают человека активного, авторитетного в ребячьей среде. Этот человек должен действительно стать членом коллектива, членом пионерской дружины.

А вот ребята из Калининграда выбрали Томаша... Теперь, наверное, не стоит ничего менять, хотя, конечно, это был необдуманный шаг. Ну, а если уж так получилось, пионеры дружины теперь должны держать своего венгерского друга в курсе событий. Надеюсь, что и он будет вам писать, оказывать посильную помощь в решении многочисленных проблем дружины, где он является почетным пионером.

РАССЛЕДОВАНИЕ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Видео-самодетальность

Возвращаемся к проблеме, поднятой Сергеем Громаком (смотри «ПАФ» в № 4 журнала «Пионер»).

КОГДА ЖЕ ОТКРОЕТСЯ СТОЛЬКО ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВИДЕОСАЛОНОВ, ЧТОБЫ ОНИ МОГЛИ СОСТАВИТЬ КОНКУРЕНЦИЮ КООПЕРАТИВНЫМ, СБИТЬ ЦЕНЫ НА БИЛЕТЫ И ПРЕДЛОЖИТЬ ЗРИТЕЛЯМ БОЛЕЕ РАЗНООБРАЗНЫЙ РЕПЕРТУАР?

С этим вопросом мы обратились к Елене Владимировне МОХОВОЙ, начальнику отдела социологических исследований и маркетинга ВПТО «ВИДЕОФИЛЬМ».

— Что вы! Кооперативных салонов вообще не существует, — поразила нашего невежества Елена Владимировна. — Они были запрещены Советом Министров СССР еще в конце 1988 года. А нас окружают салоны, принадлежащие или общественным организациям — комсомолу, профсоюзам, или различным ведомствам — министерствам культуры, Министерству бытового обслуживания РСФСР...

В столице сейчас около двух тысяч видеосалонов, и с каждым днем их становится все больше и больше. Как составляют они свой репертуар? Всеми мыслимыми и немыслимыми путями. Пользуются частными видеотеками, переписывают кассеты у других организаций...

В общем, сплошная самодетальность.

А вот если бы эти же общественные организации или ведомства покупали бы видеофильмы за собственную валюту, они были бы более осмотрительны в выборе, потому что киноклассику можно демонстрировать и 15 лет, а киноподделки «выходят в тираж» через считанные недели.

Итак, дорогие дети, кооператоры тут ни при чем, за репертуар и за цены скажите спасибо комсомолу — лидеру молодежи, профсоюзам — защитникам прав трудящихся, министерствам культуры — несущим «разумное, доброе, вечное» в массы.

Фотография А. КРУПНИКОВА.

Анна МАСС

Меня от тени

Рисунки М. ПЕТРОВА.

У нас было отчетно-перевыборное собрание, на котором меня сняли с поста редактора стенгазеты. И правильно. Я была плохим редактором. У меня нет никакого авторитета. Я, например, подойду к Светке:

— Напиши, пожалуйста, заметку ко Дню Конституции.

— А почему я? — отвечает Светка. — Пусть Людка напишет!

А Людка отсылает к Софке, и никто не пишет. И получалось так, что почти все заметки писала я сама. И стишки сочиняла. Картинки и буквы для заглавия вырезала из плакатов, которые покупала на Арбате.

И очень Вера мне помогала с оформлением, наша соседка по квартире. Раз в месяц я к ней стучалась и просила:

— Вера! Нарисуйте мне?

— А что нарисовать-то?

— Ну, что-нибудь красивенькое!

Вера рисовала осеннюю природу, косой дождь, березку с опадающими листьями. Или, смотря по сезону, зимнюю природу, падающий снег, домик со светящимися окошками, наряженную елку. А еще у нее очень здорово получались грустные красавицы с опущенными ресницами. Под красавицами я иногда писала какое-нибудь сатирическое двустишие, например:

Элка двойку получила,
Так как русский не учила.

В общем, в прошлом году благодаря Вере я кое-как справлялась с газетой, но в этом году Вера вышла замуж за своего жениха, который отслужил свои пять лет во флоте, и уехала с ним в город Сталино, на его родину.

А я запустила редакторскую работу, перестала сочинять заметки, и меня переизбрали. Выбрали редактором Нинку Рудковскую.

Вот это был правильный выбор. Она посещала литературный кружок при Доме пионеров и собиралась, когда вырастет, стать журналисткой. Главное, в ней была организаторская жилка. Она не просила, как я, а приказывала:

— Ты напишешь заметку о вчерашнем сборе.

— Ты напишешь об успеваемости.

Сама Нинка писала передовые. Это были gladкие, правильные передовые, их обычно никто не читал, но тем не менее Нинка вкладывала в них всю свою правильную и добросовестную душу.

Она никогда не врала. Ради правды она могла пойти против всего класса.

В прошлом году 8 Марта Наташка Калашникова подговорила весь класс опоздать на десять минут на первый урок — отмочить такую праздничную шутку. Нинка единственная отказалась — принципиально! И пока мы хихикали на углу Островского переулка, представляя себе выражение лица Марьяши, когда она войдет в класс, Нинка честно сидела за своей партой, положив перед собой прилежно обернутые учебники и тетради.

— В чем дело? — спросила Марьяша, войдя в класс.

Нинка могла бы сказать, что не знает. Но это была бы ложь. И она рассказала учительнице о нашем заговоре.

Ровно через десять минут после звонка в коридоре гулко зазвучали шаги. Калашникова командовала строем:

— Раз-два, левой!

Дверь открылась, мы промаршировали мимо ошарашенной учительницы и расселись по своим партам с чувством удачно выполненного розыгрыша.

Марьяша с минуту стояла неподвижно, потом, не говоря ни слова, вышла из класса и вернулась с директоршей, Любовью Ивановной, или попросту Любашей.

Началась обычная процедура:

— Пусть встанет тот, кто организовал это хулиганство.

Потом:

— Пусть самый честный из вас встанет и скажет, кто это придумал.

Потом объясняли про ложное понимание чувства товарищества. Настоящий товарищеский поступок — не скрывать имя преступника, а назвать его во всеуслышание, чтобы земля горела под его ногами. Ведь он своим молчанием подводит своих же товарищей.

Я изо всех сил старалась не оглянуться на Калашникову. Боялась, что кто-нибудь не выдержит и оглянется невольно, а может быть, и с умыслом. Но никто не оглянулся.

Тогда был раскрыт классный журнал!

— Беркович, ты?! Борисова, ты?! Варламова, ты?!

Любаша кричала:

— Это не простое хулиганство! Это политическое хулиганство! Я давно замечаю, что в классе

нездоровые настроения! Да у вас подпольная организация! — И звенела ключами.

Никакой у нас не было подпольной организации. Правда, мы на праздниках обычно собирались у Калашниковой. На школьных вечерах было скучно, а у Калашниковой — весело. И кроме того, у нее одной из класса была отдельная квартира. У нее дедушка был академик. Наташкина мама пекла пироги, и знаменитый дедушка иногда с нами пил чай с пирогами, и бабушка, и папа, и старший брат Юра. А после чая мы играли в мнения, в жмурки, в общем, эти вечера мы потом долго вспоминали и мечтали о новых таких же.

Рудковская тоже не выдала Калашникову. Впрочем, она же не знала, кто зачинщик.

На переменах только и было разговоров: выдала бы Рудковская или не выдала, если бы знала? Большинство склонялось, что выдала бы. Не из подлости, а именно из принципа.

Нинку обзывали прямолинейной душой, а она отвечала, что пусть она прямолинейная дура, но она хочет спасти класс, потому что класс разменивается на безыдейные мелочи, в то время когда

вокруг столько интересных дел: диспуты, коллективные походы в театры и в кино, стенгазета, которая должна стать ярким отражением школьной жизни, а не формальным мероприятием.

— Вот, например, поступок Корневой и Варламовой! Это же тема для фельетона!

Поступок был действительно из ряда вон выходящий: Софка Корнева и Кирка Варламова явились в класс с накрашенными ногтями! Нам не разрешали не то что маникюр делать — даже капроновые чулки носить, только простые, в резилочку. И ленты вплетать в косы только черные или коричневые. А тут такой разврат — ярко-розовые ногти!

— Это сразу надо пресечь! — сказала Нинка.

И поручила мне написать фельетон.

Я написала. Фельетон начинался так:

«Софа и Кира вошли в класс, воровато пряча под фартуком руки. Глаза их стыдливо бегали. Девочки шмыгнули к своей парте и молча сели. Весь класс недоумевал: что случилось с веселой Софой и озорной Кирой? Почему у них сегодня такой замкнутый вид?»

Но вот Софа вытаснула из-под фартука руки,

чтобы вынуть из портфеля книгу, а Кира принялась точить карандаш.

Что это?... Ученицы с отвращением отпрыгнули: на ногтях Софы и Киры розовыми бликами играл и переливался маникюр...»

И так далее. Фельетон назывался «Зловещие блики».

— Живо написано,— сказала Нинка.— Просто очень. Только морали нет.

— Мораль я не умею,— сказала я.

— Без морали нельзя, а то не поймут. Ладно, я сама напишу.

Нинка написала:

«Мы хотим, чтобы все поняли: истинная ценность человека не во внешней красоте, а во внутренней. Нужно добросовестно учиться, слушаться учителей и выполнять все общественные поручения. В этом и есть истинная красота советского школьника».

Софка и Кирка два дня на меня дулись, а потом простили, потому что я их проследила на всю школу. Мой фельетон приходили читать девчонки из других классов. И даже сама Люся Разинкова его одобрила, наш комсомольский секретарь.

А через некоторое время произошел такой случай.

У нас была контрольная по алгебре, и я задачу, как всегда, не решила. Элька Микаэлян прислала мне шпаргалку, но тут раздался звонок, и Георгий Нильч начал отбирать тетради у тех, кто еще не сдал. Я воспользовалась его подследоватостью и сдала тетрадь по русскому, а на перемене все списала со шпаргалки и, пока учитель кодовал над журналом, попыталась незаметно всунуть тетрадь в его раскрытый портфель. Но возле портфеля дежурила бдительная Рудковская.

— Если ты это сделаешь,— сказала она,— ты будешь отвечать перед всем классом.

Класса я не боялась и попыталась Нинку обойти.

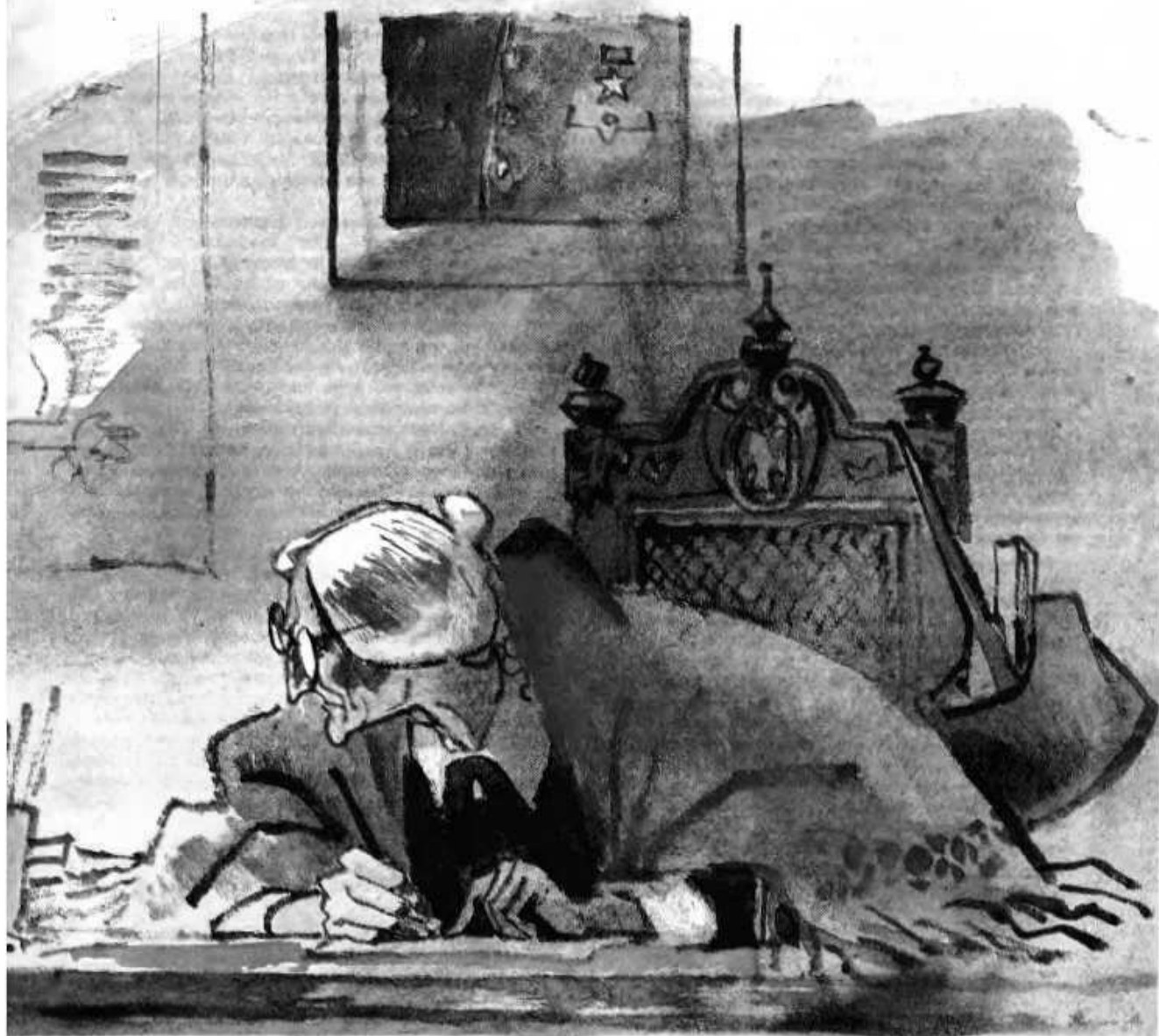
— Георгий Нильч! — негромко позвала она.

— Сволочь ты! — сказала я, отступая от портфеля.

— А на тех, кого я не уважаю,— ответила она,— я не обижаюсь.

На следующий день Нинка мне сказала:

— Я что подумала: ты должна написать фельетон о вчерашнем случае.

— Я? Сама о себе?! Спасибо, что-то не хочется!
— Как ты не понимаешь! — сказала Нинка. — Ты погибашь в болоте беспринципности. Тебя засасывает. Я хочу спасти тебя от самой себя. Если ты напишешь, ты вырастешь в моем мнении. Мой фельетон назывался «Однажды на перемене».

Начинался он так:

«К портфелю учителя, воровато озираясь и пряча под фартуком тетрадь, подкралась Валя Львова. По лицу ее блуждала наглая улыбочка...»

Мораль к моему фельетону снова приписала Нинка: «В эти замечательные дни, когда вся наша страна, уверенная в завтрашнем дне, твердой поступью...» и т. д.

К ноябрьским праздникам Нинку приняли в комсомол. Кого же и принимать, если не таких, как Рудковская? И сразу же выбрали в комсомольское бюро школы.

Уж тут она развернулась! Проводила политинформации, организовывала диспуты, ее посылали делиться опытом в другие школы, даже в 36-ю — мужскую! А наша скромная стенгазета благодаря Нинкиному руководству и отчасти моим разоблачительным фельетонам приобрела такую популярность, что ее теперь вывешивали на специальном стенде на площадке между третьим и четвертым этажами.

В общем, у Нинки были сплошные успехи.

А у Наташки Калашниковой — сплошные неприятности. У нее в парте кто-то нашел и пустил по классу книжку стихов Есенина. Книжку отобрала Марьяша и передала директору. Наташкиных родителей вызывали на педсовет и грозили исключить Наташку из школы за чтение запрещенных поэтов. Не исключили, но в комсомол не приняли. А она так готовилась — исправила все отметки, вызубрила всех секретарей компартий, даже секретаря Компартии Японии Токуду.

И случайно забежала в класс после уроков — забыла ручку — и увидела плачущую Наташку. Я до этого ни разу не видела, чтобы Наташка плакала. Она была самая веселая в классе, первая заводила.

— Откуда я знала, что он запрещенный! — плакала Наташка. — В предисловии об этом не сказано!

Мы вышли из школы вместе и, когда шли по Кропоткинской, столкнулись с Люсей Разинковой. И Люся сделала вид, что нас не заметила. Странно! Готова поручиться, что она нас прекрасно видела.

На следующий день на большой перемене меня отозвала в сторону Рудковская и, похлопывая себя по ноте свернутой в трубку газетой, спросила:

— Ты, кажется, собираешься вступать в комсомол?

— Ну собираюсь, а что?

— А если собираешься, то зачем сама себя компрометируешь?

— Я? А чем?

— Тем, что тебя видели с Калашниковой на улице!

— Ну и что?

— Ах, ну и что! А ты знаешь, что собой представляет Калашникова? Знаешь, почему ее не приняли в комсомол?

— Ну, из-за Есенина.

— Не только, — сказала Нинка. — Все гораздо хуже. Я не хотела тебе говорить, но потом решила, что лучше все-таки предупредить.

Она протянула мне свернутую в трубочку газе-

ту. Статья была обведена синим карандашом и называлась что-то вроде «Прибежище безродных космополитов». В статье часто упоминалась фамилия Наташкиного дедушки-академика. Так вот он кто, этот с виду такой симпатичный дедушка! И ведь сидел с нами за столом, угощал конфетами...

— Поняла? — спросила Рудковская. — Это все, между прочим, взаимосвязано. А ты заметила, как они нас всегда зазывают? И пирожные, и конфеты... Мне это всегда казалось подозрительным, но теперь, в свете этой статьи, я окончательно все поняла. Они нас вербуют!

Меня обожгло ужасом. Вербуют! Шпионы! Космополиты!

Я не очень-то представляла себе, что такое космополиты, но что-то очень гадкое, хотя и по-лучше, чем враги народа. Так вот кто такая Калашникова в свете статьи!

...Но, честное слово, какой же она враг народа? Она вся как на ладони. Я же ее с первого класса знаю. У нее и тайн никаких нет, трепло невероятное. И с ней так весело всегда. По крайней мере было до последнего времени.

— В общем, так, — сказала Нинка. — Бюро поручает тебе написать о Калашниковой фельетон. В твоём стиле, как ты умеешь. Разоблачить ее сущность.

— Не хочу я о Калашниковой писать! Почему всё я да я!

— Бюро поручает тебе. Понимаешь — бюро!

— Ну и что — бюро! Подумаешь!

— Что? — сказала Нинка. — Бюро — подумаешь? Да ты соображаешь?.. Нет, ты вообще отдаешь себе отчет?.. А ты знаешь, что я сейчас обязана пойти в бюро и передать твои слова?..

Она смотрела на меня так, словно наконец-то увидела мое истинное лицо шпионки и космополитки. Я испугалась.

— Ладно, — сказала я. — Напишу.

Два дня я думала — как разоблачить Наташкину сущность? Никто же не видел, как она плакала одна в пустом классе, одна я видела. Не будет же она перед самой собой притворяться.

На третий день после уроков я протянула Рудковской то, что написала. Она тут же села на парту и стала читать. И вдруг у нее брови полезли на лоб.

— Я от тебя этого не ожидала! Тебе что поручили? Мало ли, что она плакала?

— Нет, не мало! — закричала я. — Что видела, то и написала. А вранье не буду писать! Откуда она знала, что Есенин запрещенный? В предисловии об этом не сказано! И потом, ну и что, что дедушка — скрытый враг? Она же сама не скрытый враг! Ты что, Калашникову не знаешь?

— Вообще-то знаю, — сказала Нинка. — Вообще-то ты в чем-то права. Нет, ты меня, правда, в чем-то убедила... Но мы уже все на бюро запланировали: сначала фельетон, потом Калашникову и еще троих из «Б» будут обсуждать на открытом комсомольском... И я прямо даже не знаю...

Нинка в задумчивости грызла конец косы.

Во вторник на двояной литературе мы писали сочинение. Был образ Печорина. Как раз то, что я хотела. Я уже дописывала план, как вдруг дверь открылась, всунулась голова директорской секретарши:

— Львову к директору!

Меня?! У меня сразу душа ушла в пятки. Я встала и пошла к двери. Весь класс проводил меня сочувствующими взглядами. Потому что,

когда Любаша вызывала к себе, да еще посреди урока, это ничего хорошего никогда не сулило.

До этого я была в кабинете два раза. В шестом классе меня привел сюда Анатолий Данилыч за то, что я в учебнике истории нарисовала голого Аполлона без листика, а в седьмом — Марьяша, за стихотворение, в котором я отобразила ее внешность: «Кто не знает Марью нашу, и красива, и тонка, чуть потоньше винной бочки, чуть пониже потолка» и т. д., всего двенадцать четверостиший. Оба раза Любаша, вцепившись в мои плечи сильными, костлявыми пальцами, трясла меня и орала:

— Я с тебя шкуру сдеру!

Она была старая, сторбленная, но когда впадала в ярость, могла поднять за шиворот десятиклассницу. Мы ее жутко боялись. Когда во время урока в коридоре раздавался звон ее ключей — все замирали, и учителя тоже. Она ходила, накинув на плечи серый вязаный платок, длинные концы которого напоминали крылья больной птицы. А руки с ключами она прятала за спиной, и ключи звенели, вызывая у нас слабость в коленках.

И вот я в третий раз стою перед директорским столом, а напротив, в кресле, сидит Любаша и что-то пишет, не поднимая головы. Я смотрю на ее серый платок, похожий на оперение хищной птицы.

Она отложила ручку, подняла голову и негромко приказала:

— Рассказывай.

— А что рассказывать? — спросила я с трусливой готовностью.

— Когда собирались последний раз у Калашниковой?

— На ноябрьские. Да, точно, восьмого!

— Что читали? О чем говорили? Кто был? Фамилии назови!

— Весь класс был... Почти... Я не помню, о чем говорили.

— Врешь! — закричала Любаша. — В глаза смотреть!

Я взглянула ей в глаза — круглые, ясные глаза старого ястреба. И мои глаза тут же заволокло слезами.

— Ну я же специально не запоминала... — пробормотала я.

— Стишки уподобные переписываете? Есенина читаете? Кто руководит организацией? А-а?

— Да нет! Любовь Ивановна! — Я не знала, какие слова найти, чтобы доказать, что нет у нас никакой организации. — Мы просто собирались! Мы песни пели хором! А ничего такого мы не...

— Ты, — прервала мой лепет директорша. — Лично ты. Вылетишь. Из школы. С волчьим билетом. Если не скажешь, кто у вас организатор. Скажешь — поставлю тройку по поведению, этим отделаешься. Ну?

В ошарашенной голове моей тупо заработала мысль: назвать — тройка по поведению, не назвать — волчий билет. Тройка лучше, чем волчий билет. Но кого назвать, если некого назвать?

— Ну?! — страшно крикнула Любаша.

...А девочки там пишут сочинение. Образ Печорина. Счастливые...

— Вот он, приказ об исключении, — сказала Любаша. — Мне его только подписать...

И она обмакнула ручку в чернила.

— Любовь Ивановна, не надо! — завопила я дурным голосом. — Я же говорю! Я же не отказываюсь! Но я же не знаю, кого назвать!

— А ты вспомни, — сказала Любаша. — Какие песни пели, о чем говорили. Кто больше всех говорил. Подумай и вспомни. Вот тебе бумага, вот ручка. Не хочешь говорить — напиши. А я по делам схожу.

Она вышла из кабинета, звеня ключами.

В кабинете было светло, солнечно. В столбе света плавали пылинки. На подоконнике в глиняном кувшине стояла сосновая ветка.

Если я не назову кого-нибудь, меня выгонят из школы!

А мама?

А я как же — без школы? Ведь у меня вся жизнь со школой связана. С девочками.

Может, назвать? А кого? У Калашниковой многие были. Может, Калашникову одну назвать? Раз все равно уж на нее навалились. Ей семь бед — один ответ, а меня отпустят... Я уже просто не могу!

Вошла Любаша, вслед за ней Нинка Рудковская, Северина — все наши восемь комсомольцев. Значит, уроки кончились. Два часа я уже здесь.

Девчонки стали шеренгой у стены, а я — отдельно от них, изреветавшаяся, икающая. Слезы ползли по шее и затекали за воротник. Рожа, наверно, опухла, как подушка.

Любаша прошла вдоль шеренги, звеня ключами.

— Так-то вы честь школы поддерживаете? Комсомольцы! За вашей спиной подпольная организация действует, антисоветские стихи распространяют, а вы?..

Нинка вышла вперед и одернула платье.

— Я даю вам честное комсомольское, что у нас нет никакой подпольной организации. У Калашниковой мы собирались всем классом. Антисоветских стихов не читали.

— Что? — сказала Любаша. Это прозвучало так: «Что-а?» — высшая степень презрения. — Калашникову защищаешь? Ты?!

Нинка всегда бледнела, когда волновалась, а сейчас она была прямо белая. Голос у нее срывался, но не от страха. Она, когда чувствовала свою правоту, никого не боялась. Хотя Любашу и она боялась.

— Да, защищаю, — сказала Нинка. — Я с ней долго говорила. Да, у нее много личных недостатков, но ведь личные недостатки есть у каждого! Она не организовывала никакой подпольной группы. Я ей верю. Я за нее ручаюсь.

— А вот я и тебя выгону вместе с ней, — сказала Любаша. — Чтобы не ручалась за кого не надо.

— Я думала, что вы справедливая, — сказала Нинка. — А вы несправедливая. Я вас не уважаю и не боюсь.

Это она — Любаше!!

Дзын! Ключи шмякнулись на стол.

— А ну, все убирайтесь отсюда! — приказала Любаша. И, брезгливо взглянув на меня: — И ты пошла отсюда!

Я разжала стиснутые пальцы, бросила ручку на чистый листок бумаги и рванулась к двери. Толкаясь, мы вывалились из кабинета, одетые и — на улицу. А там было солнце! Капель! И воздух такой весенний, что у меня голова закружилась.

С крыш сбрасывали снег. На тротуарах и мостовой — сверкающие россыпи разбитых в мелкие дребезги громадных сосулек. Дворники стояли, подняв головы, и следили, чтобы обледеневшая глыба не свалилась кому-нибудь на голову.

Был конец февраля пятьдесят третьего года.

Анатолий КОСТЕЦКИЙ

Не хочу!

Нет, не хочу
за бабочкой
гоняться!

За ней и ты
с сачком не мчись,
постой!

Пусть крылышки цветные
не боятся
порхать в дугах
на радость
нам с тобой.

Нет, не хочу
цветку лесному
зла я!

Я не сорву его,
не унесу!
Ему ведь в доме,
стол наш украшая,
уж не качать шмеля,
не пить росу...

Ни муравья,
ни ветку,
ни травинку
обидеть не хочу:
ведь это грех!
Стараюсь
разглядеть в них
ту живинку,
что доверлет
всем
и любит
всех.

Жизнь на звездах

Ведь правда,
есть жизнь
на каких-то из звезд?
Вопрос этот важен
и очень непрост.

Нам сказано в школе:
«Весь космос —
за вами,
далеких планет
вы достигнете сами.
Мечтайте —
и сбудутся ваши мечты!»

Но я
сомневаюсь немного.
А ты?..

Быть может,
герои
до звезд долетят
и даже успеют
вернуться назад,
их встретит, ликую,
планета моя...
Но приди ли среди них
буду именно я.

От этого грустно —
до боли в груди!
Вот я и твержу
сам себе:

«Не гляди
на небо,
на звезды,
что так далеки!..»

Но вечером
снова,
себе вопреки,
смотрю на них,
радуюсь —

глаз не отвести:
ведь жизнь-то
на звездочках
все-таки есть!

